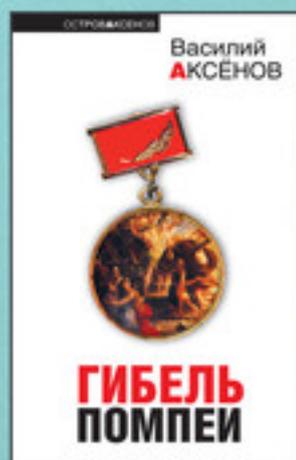

Василий Аксенов

Гибель Помпеи

*Часть сборника
Гибель Помпеи (сборник)*

Василий Аксенов
Гибель Помпеи

«ЭКСМО»

1979

Аксенов В. П.

Гибель Помпеи / В. П. Аксенов — «Эксмо», 1979

ISBN 978-5-457-11936-9

«Всякий раз, подъезжая к Помпее, вы думаете: вот райский уголок! От этой банальности не убежать. С верхней точки дороги, перед тем как нырнуть в собственно помпейские пределы, вы озираете чудесно вырезанную линию берега, белые дома, поднимающиеся от бухты уступами среди вечнозеленой флоры, саму эту флору, в буйстве клубящуюся над городом и подступающую к отвесной ярко-серой стене горного хребта, защищающего город и берег от северных ветров, и всякий раз, когда „все эти дела“ (по современному выражению) появляются перед вами, вы ощущаете мощный подъем духа, некий полузабытый восторг, целесообразность вашего здесь присутствия, и в машине между ветровым стеклом и вашим собственным лбом проносится банальная мыслишка — „вот райский уголок!“»

ISBN 978-5-457-11936-9

© Аксенов В. П., 1979

© Эксмо, 1979

Василий Аксенов

Гибель Помпеи

Рассказ для Беллы

Всякий раз, подъезжая к Помпее, вы думаете: вот райский уголок! От этой банальности не убежать. С верхней точки дороги, перед тем как нырнуть в собственно помпейские пределы, вы озираете чудесно вырезанную линию берега, белые дома, поднимающиеся от бухты уступами среди вечнозеленой флоры, саму эту флору, в буйстве клубящуюся над городом и подступающую к отвесной ярко-серой стене горного хребта, защищающего город и берег от северных ветров, и всякий раз, когда «все эти дела» (по современному выражению) появляются перед вами, вы ощущаете мощный подъем духа, некий полузабытый восторг, целесообразность вашего здесь присутствия, и в машине между ветровым стеклом и вашим собственным лбом проносится банальная мыслишка – «вот райский уголок!».

В тот год, в начале весны, я направлялся в Помпею с серьезными намерениями. Не менее месяца собирался я провести здесь, вдали от римской суеты и слякоти, надеясь завершить трехлетний труд, отшлифовать капитальное сочинение по своей специальности. Книги и рукописи были детально подобраны и уложены в багажнике, там же находилась и одежда на всякие случаи помпейской жизни. Что касается этих «всяких случаев помпейской жизни», тут, надо признаться, я слегка сам с собой лукавил. Никаких «случаев помпейской жизни», строго говорил я сам себе, когда укладывал чемоданы. Утром – бег, днем – работа, вечером – прогулка, перед сном – радио. Кроссовки на толстой подошве, пишущая машинка, транзистор. Увы, с приморским этим городом в прошлом у меня было связано столь много так называемой романтики, такое количество вполне безобразных походов, что я почти инстинктивно, как бы и не замечая, набросал в чемодан изрядно фирменного барахла «на всякие случаи помпейской жизни», познавательные клановые знаки нашего круга.

В те годы в нашем кругу принято было с первого взгляда казаться иностранцами, но со второго взгляда обязательно неиностранными, принято было слегка презирать как своих, таких уж явных неиностранных, так и иностранцев, таких уж отъявленных несвоих.

Итак, набрасывая в чемодан разные там лондонские фуляры и джемперы, я сквозь всю строгость своих намерений как бы допускал, что Помпея меня все-таки «засосет», однако, набрасывая все это небрежно, не глядя, я как бы говорил себе, что если и засосет, то ненадолго, что это будет всего лишь разрядка посреди трудов праведных.

Номер мне был забронирован в старинной интуристовской гостинице «Ореанда» окнами в пальмовый палисад. Среди пальм, почти невидимая с набережной, стояла крашенная под бронзу гипсовая скульптура Исторического Великана. Странная фантазия упекла его сюда, во внутренний двор гостиницы, где широкие массы не могли насладиться его созерцанием. Да и сама фигура, если отвлечься от того, что она в себе воплощала, выглядела довольно странно: в тяжелом пальто среди лиловых цветов иудины дерева и листьев магнолии, под пальмовой сенью стоял псевдобронзовый господин и держал перед собой свою правую руку ладонью вверх, будто взвешивал на ладони арбузик или поддерживал титьку какой-нибудь молочницы.

Забавно, я несколько не был раздражен этим соседством, напротив – фигура, скрытая от всех, за исключением меня да еще нескольких постояльцев «Ореанды», показалась мне вдруг симпатичной и даже в чем-то близкой. Я отделил этого своего Исторического Великана от многих миллионов других его изображений и вообразил его себе гипотетическим собеседником, оппонентом и оценщиком в трудах праведных.

«Ореанда» стоит на набережной, прямо над морем. Бросил чемодан и марш – акклиматизироваться. Традиционный процесс «акклиматизации» творческого человека в Помпее. Вы сидите с манускриптом своего заветного опуса на гальке в трех метрах от Средиземного моря, смотрите на страницу, где начертано что-то вроде такого: «к выводу, основанному на теории возмущений, можно подойти и с другой точки зрения, применив его к распаду системы, происходящему под влиянием каких-либо возмущений, где E_0 есть уровень энергии системы при полном пренебрежении возможностью ее распада», повторяете чеканные эти строки и в то же время соприкасаетесь с извечной прародиной, слушаете, как волна перебирает гальку, вбирает запахи вечной бодрости и отрады.

Старайтесь отвлечься от набережной с фланирующей толпой отдыхающих варваров, от фасада гостиницы, одетого в леса, по которым таскаются бухие маляры, не поглядывайте и на кафе, в огромном окне которого на втором этаже восседает знакомая римская компания.

В компании этой, разумеется, верховодили и платили за всех два-три грузина, провозглашавшие непрерывные тосты за Арабеллу.

– Ара-белла! – говорит грузин, держа свой бокал на весу над столом.

Все смотрят на бокал, словно на шарик гипнотизера.

– Ара-белла!

Забавно, что «ара» в грузинском языке частица отрицания, и, провозглашая нашу знаменитую Арабеллу, грузины как бы пьют за какую-то свою таинственную Не-беллу.

Арабелла за стеклом кафе встала и протянула мне стакан вина. Мы с ней были отдаленно знакомы, и вот теперь она с тихим приветом протянула мне то, чем была богата в этот момент, – свой напиток. Рука ее прошла сквозь стекло и, высунувшись по запястье, предлагала мне сейчас что-то хорошее.

Впоследствии, если пойдет речь, обязательно объясню, что с того ракурса, в котором я находился в тот момент, из той плоскости, которая меня в тот момент пересекала, я просто не мог увидеть ни Арабеллу, ни тем более стакана с вином.

Тем временем к окну кафе по лесам непринужденно приблизился один маляр, взял из руки стакан и бойко поклонился. Он отставил было уже мизинчик, чтобы благородно употребить благородный напиток, как вдруг прервал волшебную процедуру и заорал куда-то могучим голосом:

– Николай, ложь кирпич! Приказываю – ложь кирпич! Ложь кирпич взад, стрелять буду!

Стрелять ему было решительно нечем. Впоследствии это обстоятельство широко обсуждалось на набережной. Чего ж он кричит – стрелять буду, когда стрелять нечем. Орет, понимаете, стрелять буду, а чем ему стрелять. Вот народ – кричит стрелять буду без всякого огнестрельного оружия, что ты будешь делать, какие хвастуны.

Гуляющие посмотрели, кому это маляр так слишком громко кричит, и все увидели еще одного маляра в заляпанной спецовке, который, стоя вблизи на лесах, малярил балкон третьего этажа. Малярил за милую душу, вяло и грубо, сморкаясь в рукав, ничего не подозревая. Над ним, над этим вторым маляром, между тем на балконе стоял третий, который и целился кирпичом своему товарищу в темя.

Протянувшееся мгновение.

Раз) Первый маляр держал стакан хорошего вина. Второй маляр держал кирпич, целясь третьему в темя. Третий маляр держал кисть в слабой и пьяной руке.

Два) Второй маляр обрушил кирпич на голову третьему маляру. Третий маляр упал с лесов на асфальт и там раскинулся. Первый маляр выпил стакан вина.

Три) Первый с пустым стаканом в руке бросается куда-то – то ли жертву спасти, то ли хватать преступника. Второй со слепящей улыбкой, заливающей лицо, вторым кирпичом добивает третьего. Третий, дернувшись, переворачивается на спину и вновь раскидывается широко и свободно.

Растекается темная лужа.

Набережная взорвалась криками:

– Это он его за бабу, за бабу, за бабу свою!

В дверь на балконе ломались отважные. Убийца, залитый слепящей улыбкой, перелез через перила. Кувырком вниз полетело его тело, ударилось о балкон второго этажа и рухнуло мешком на асфальт рядом с жертвой. Тут же начала растекаться вторая темная лужа.

За бабу, за блядь, за парикмахершу Светку из ревности, как в опере Бизе, два хороших специалиста, среди бела дня, и не сильно выпимши даже.

Уравновешенно шумела толпа отдыхающих под надзором дружинников. Подъехала надлежащая машина. Соответствующий персонал погрузил трупы. Машина медленно тронулась.

Из парикмахерской на набережной выскочила виновница событий. В распахнутом белом халате разнузданной плотью мельтешил ярчайший полистер.

Говорят, что и деток у них было двое, употребляет кто-то прошедшее время, будто и детки сплыли у Светки вместе с папашами.

Парикмахерша цапала руками «Скорую помощь», рыжее чучело ее головы как будто катилось по крыше машины. Черные отпечатки пальцев. И такими руками они нас броют.

Впоследствии мне казалось, что именно с этого момента и началась гибель Помпеи. Будто бы этот фатальный инцидент и начал разруху курортного города со всеми его санаториями, ресторанами, скульптурами трудящихся и Исторического Великана. Будто маляр с кирпичом дал сигнал вулкану. Будто бы только тогда и появились завитушки дыма над скалистым отрогом, висящим в золотистом небе.

На самом деле, скорее уж, если и была между этими явлениями какая-нибудь связь, то обратная. Дымок появился много раньше. Его никто долгое время не замечал, потому что жители и гости Помпеи, как ни странно, мало наблюдали природу. Они наблюдали в основном друг друга, ибо только в человеческом коллективе видели источник своих наслаждений, или, как сейчас принято говорить, «кайфа».

Замечать дымок стали только тогда, когда он, собственно говоря, стал уже дымом, однако приезжие полагали, что это просто местная достопримечательность, а местные думали, что это просто там в горах происходят просто какие-то эксперименты просто-напросто наших вооруженных сил. Военная мощь нашей республики как бы исключала возможность стихийной беды.

Никому, конечно, и в голову не приходило искать связь между розоватым дымком в горах и волной странных поступков, захлестнувшей побережье. Вспышка страстей в малярном цехе была лишь одним эпизодом в череде многих.

Рассказывали, например, такое.

Якобы ранним утром на каком-то перекрестке был замечен инспектор дорожного надзора, который, сидя на крыше патрульной машины, брился перед огромным круглым зеркалом, установленным здесь для усиления безопасности движения, но отнюдь не для бритья. Будто бы в баре «Карфаген» дружинники-фарцовщики как-то вечером поколотили голландского туриста. Они, видите ли, слушали старинную музыку, а он, понимаете ли, мешал, то ли товар какой-то предлагал, то ли с девочкой просил познакомиться. Этот факт в череде мно-

гих был, пожалуй, самым невероятным, учитывая особые отношения между голландцами и помпейской народной дружиной.

Ну, вот еще нечто. На танцах в клубе Деревоотделочного комбината какая-то пара разделась донага, продемонстрировала коитус и была не только не побита, но шумно одобрена танцующей молодежью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.